

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА СЕРГЕЯ КОТОВА

СЕРГЕЙ КОТОВ

**ЗЕМЛЯ МЕРТВЫХ
БОГИ ВОЙНЫ**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К73

Иллюстрация на переплете *Андрея Клепакова*

Котов, Сергей.

К73 Земля мертвых. Боги войны / Сергей Котов. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Боевая фантастика
Сергея Котова).

ISBN 978-5-04-156874-0

Реальна ли смерть? Боец российского спецназа находит
ответ – внезапно, как это всегда и бывает. Во время защиты
аномальной зоны на Новой Земле, которая возникла после
испытаний Царь-бомбы, он попадает в места, о которых меч-
тали древние воины.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-156874-0

© Котов С., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

Михалыч словил пулю снайпера. Арктический вездеход всё-таки не совсем военная техника, несмотря на защитный камуфляж. Брони нет совсем.

На рефлексах я сбросил передачу и активировал стояночный тормоз. Потом с криком «Ложись!» сам распластался под приборной панелью. Наверняка снайпер попробует снять сразу двоих, пользуясь растерянностью. Так и вышло: одновременно с моим криком снова звякнуло стекло. Пуля ударилась в железную переборку за моей спиной, отрикошетила и на излёте разбила обзорное зеркало справа.

Механик всё ещё бился в конвульсиях. Я чувствовал тепло его крови, стекающей мне на правую руку. Мужика было очень жалко: двадцать лет выслуги, на пенсию собирался. Жена, дети почти взрослые, скоро внуки были бы... больно. Но эмоции мне не мешали думать.

Мысленно я восстановил картинку за ветровым стеклом за секунду до выстрела. Где может быть позиция? Кругом, до горизонта — сплошняком белая равнина. Мелкая ледяная крупа метёт, солнце неясным пятном в ледяном мареве... да ветер. Этот вездесущий ветер. Блин, как он стрелял-то? Впрочем, ветер постоянный, без порывов. Но наверняка не обошлось без баллистического компьютера да лазерных дальномеров. Слева и впереди — тёмный провал. Я знал, что там море и крутой берег, хотя ничего не видно. Наверняка стрелок где-то там.

Больше просто негде оборудовать гнездо. Значит, угол обзора у него не может быть высоким. Иначе меня бы достал. Но какой именно? Могу ли рискнуть и рвануть назад, в технический и жилой модули?

Надо проверить. Я вынул из держателя высокий камуфлированный термос, где ещё плескались остатки моего кофе, протянул руку и начал медленно поднимать его над головой.

— Тащ капитан, что... — Летёха в техническом отсеке отреагировал на моё движение и, похоже, решил выйти из убежища.

— Замри! — перебил я. Лейтенант затих и остановился. Умный парнишка.

— Тестирую угол, — пояснил я, продолжая поднимать термос.

Снова «дзинь» — пуля пробилла стекло и вырвала термос из ладони. Удар был довольно ощутимым, ладонь сразу онемела.

— Видал? — спросил я.

— Так точно, — ответил лейтенант.

Термос сбили достаточно высоко. Я мог пролезть через жилой модуль на склад оборудования. Взять там броник и активировать снегоход. Он хранился внутри тёплого периметра — как раз для того, чтобы не надо было долго прогревать в случае чего.

И всё же — какой у них план? Конечно, стрелок видел, что завалил одного. Что он теперь будет делать? Движок и топливная система у вездехода под днищем. Серьёзного ущербa технике он нанести не сможет. Однако двигаться вслепую я тоже не могу — тут, возле побережья, это особенно опасно. Значит, снайпер просто будет держать нас на прицеле, не давая носа высунуть, пока штурмовая группа не подберётся ближе. И вот этого допустить ни в коем случае было нельзя.

— Оставаться на месте. Держать оборону, — приказал я.

— Есть, — ответил лейтенант. Технических спеццов, которые находились в жилом модуле, слышно не было. Но я надеялся, что у них хватит ума не высовываться.

Я протиснулся в проход между сиденьями, стараясь не слишком поднимать зад: он мне был ещё дорог. С тоской взглянул на новёхонькую мембранную куртку, которая висела на крючке за креслом. Мне её выдали специально для этой командировки. Штатная температура до минус пятидесяти, плюс химические грелки... но доставать было нереально. Оставалось надеяться, что работающий движок снегохода не даст мне замёрзнуть те несколько минут, которые я буду рвать по снежной равнине, уворачиваясь от снайперского огня.

Ненавижу холод. Выживу — все сорок пять дней заслуженного отпуска проведу в Сочи. Или в Крыму. Позже решу.

Когда я дополз до технички, снайпер что-то заподозрил и засадил ещё одну пулю в несчастное лобовое стекло. Хорошо хоть на складе был ремкомплект: я это точно знал. Проверял по описи перед выходом.

— К-к-куда вы? — выдавил один из спеццов со своего спального места в жилом модуле, когда я проносился мимо.

— Спасать нас! — на бегу ответил я.

— Удачи! — крикнул тот, не смея даже выглянуть в коридор. Молодец! Надеюсь, у остальных тоже хватит ума не высовываться.

— Спасибо! — ответил я, уже хватаясь за крепления вездехода.

Рампа долго не желала открываться. Должно быть, наледь намёрзла. В отчаянии я начал молотить её носком

ботинка, и неожиданно это помогло: натужно взвизгнули электромоторы, и металлическая плита с рифлёной колёй начала медленно опускаться.

Дохнуло холодом. Туманное облачко от выходящего тёплого воздуха быстро сдуло вездесущим ветром. Я поёжился, глядя наружу, в холодную муть, полную ледяных точек.

Секунд через тридцать вездеход был готов. Как только двигатель завёлся, я заглянул в оружейку. Достал пару броников: один тут же нацепил на себя — какая-никакая, а защита не только от пуль, но и от холода; второй кинул на плечо. На другое плечо повесил АКС-У. В штаны и карманы на бронике запихал шесть магазинов. Должно хватить. Всё равно дольше на холоде не выдержу. Шлемы тоже хранились в оружейке — как боевые, так и те, которые предназначены для езды на снегоходах. Поколебавшись немного, я выбрал шлем из первой группы: да, тяжелее, но защита серьёзная. Если повезёт, с пулей справится.

Громко хэкнув, я устроился на сиденье, разместил перед собой второй броник — так, чтобы он полностью прикрывал руль, потом задержал дыхание и дал по газам.

Холод сразу добрался до меня, терзая тысячами ледяных игл. Ничего, надо терпеть. Главное, что руки и ноги слушаются. «Нет, никаких Сочи, — подумал я про себя, — только Сирия. Говорят, там море теплее. В Латакии новый отель недавно сдали, реклама по всем отделениям “Воентура” висела. Выбью путёвку!»

Теперь главное — скорость. И манёвренность. Я двинулся зигзагом, неожиданно меняя направление через неравные промежутки времени.

В таких условиях, конечно, пулю не услышать — даже если она ляжет в паре сантиметров от снегохода. Поэтому приходилось рассчитывать на зрение.

То ли я смотрел недостаточно внимательно, то ли стрелок затаился. Позади была уже половина дистанции до берега, но никакого движения я так и не засёк. Расслабился немного, траекторию держал прямее — холод-то никуда не делся, и я чувствовал, что мышцы начинают деревенеть. И тут же был наказан: пуля ударила в броник, чуть не сбросив меня с машины. Только чудом удержался за рулём, но подставил под удар оголённый бок.

«Динь!» — было слышно даже сквозь шум движка. Повезло — прилетело на пару сантиметров ниже моей груди, в силовую балку, на которую опиралось сиденье. Стрелок нервничает. Перестраховался, взял ниже, чем надо, — и вот результат.

Я зарычал и оскалился. Рывком выровнял машину. Успел засечь движение краем глаза — на самой линии горизонта, где за белой мглой уже проглядывало море.

Через пару секунд я даже смог поймать вспышку выстрела. Точно искорка на белом фоне. Но пуля прошла мимо. А потом я достал АКС и открыл заградительный огонь. Это было сложно, очень сложно: мышцы сводило от холода, пальцев я почти не чувствовал. Но держал и броник, и автомат, при этом умудряясь рулить.

Полкилометра. Стрелка не видно — затаился. Четыреста метров. Четыре вспышки подряд! И ни одного попадания — он что, вслепую стреляет?! Триста метров. Теперь я разглядел маскировочный вал. Позиция снайпера на верхушке. Интересно, что там? Техника? Двести метров. Снова три вспышки! Удар в броник. Сил хватило

удержаться — но боль в суставах дикая, сразу в локтях, кистях и плечах. Снова зарычал, оскалившись. Сто метров. Первый рожок закончился.

Не останавливаюсь, влетаю под основание маскировочного вала. Тут снег вперемешку с белой тканью и каркасом из алюминиевых трубок. Меняю рожок. Очередь по верхам: кажется, там было движение.

Выбираюсь из маскировки, обхожу сбоку.

Тут блок-контейнеры! Белые, в арктическом исполнении. Целых пять штук! Прямо настоящая база. И когда успели?

Но удивляться времени не было.

С АКС на взводе я рванул к ближайшей двери. Уже нацелился на замок — но не понадобилось; дверь легко распахнулась. В тепло очень хотелось, но спешить нельзя. Я распластался по стеночке. Присел. Потом повёл стволом и дал очередь вслепую. Только после этого, не мешкая ни секунды, рванул внутрь.

Почему-то я не сомневался, что кого-нибудь да задел. Меня ведь видели; должны были выйти «встречать». Но нет: в небольшом тамбуре за дверью и коридорчике было чисто. Если не считать побитого очередью пластика, конечно.

Я рывком забросил себя внутрь. Перекатился, проверил коридор. Чисто. Что они там, уснули, что ли? Или я задел своей очередью? В последнее верилось слабо — но мало ли что в жизни бывает? Замер, кайфуя от ощущения тепла, несмотря на боль в пальцах. Но расслабляться рано: даже если стрелок (или стрелки?) реально полёг — это надо обязательно проверить.

Похоже, я оказался в чём-то вроде оперативного штаба. В небольшом помещении, выходящем ок-

нами на море, была карта во всю стену, несколько работающих мониторов, кофемашина и куча бумаг, разбросанных на столе. Море катило свинцовые волны с белыми барашками и даже на вид было ледяным. Я невольно вздрогнул. Странно всё-таки, что блок-контейнеры поместили прямо на берегу обрыва, при здешних-то ветрах... хотя я ведь толком не разглядел противоположную сторону. Вдруг там скала продолжается, а контейнер стоит на небольшой площадке, опираясь на скалу, как на стену? Тогда ветер с острова не страшен — он пройдёт выше, а ветер с моря, как сегодня, будет только прижимать жилище плотнее к берегу...

Наверху что-то скрипнуло. Я тряхнул головой, чтобы прервать поток лишних размышлений, и бесшумно сместился ко входу в штаб. Потом скользнул обратно в коридор. Дошёл до узкой лестницы, ведущей в блок-контейнер наверху. Там точно кто-то был, я слышал шаги. Значит, медлить нельзя.

Стрелка я нашёл в местном аналоге оружейки. Масивная металлическая дверь была распахнута. Я опустился на колени, мельком заглянул внутрь, осознал картинку. Он стоял в полный рост. Здоровый парень в арктическом камуфляже, винтовка — в левой руке, стволом вверх. Приклад упирается в пол. Успеет прицелиться? Точно нет.

Я взял АКС на изготовку. Рывком переместился в дверной проём, целя снайперу в грудь. Тот, увидев меня, ослабилась. Поднёс ствол винтовки к подбородку и произнёс, обращаясь ко мне и глядя в глаза: «Gonna meet you on the other side. See you, dude. You kinda cool one»¹.

¹ Увидимся на другой стороне. Пока, чувак. Ты крутой.

Осознав, что он собирается сделать, я рванул вперёд. Но не успел, конечно — череп стрелка взорвался, обдав меня фрагментами костей и мозга.

Глава 2

Был соблазн осмотреть базу детально, закопаться в документах и картах. Но ребята ждали меня в вездеходе. Едва ли они решатся нарушить приказ. Значит, даже лобовуху ремонтировать не будут. День, конечно, тут длиннее, чем на материке в это время года, но до заката не так много времени осталось. А ремонтировать ночью, под пронизывающим ветром и ледяной крупой — то ещё удовольствие. К тому же придётся освещать место работ, а это прямое нарушение наставлений о светомаскировке.

Но, конечно, я должен сначала убедиться, что стрелок был один. Это само по себе очень странно — никто не отправляет нелегальные военные исследовательские миссии в такие места в одиночном составе. И действительно: я обнаружил четыре отдельные спальни. Они явно были обитаемы — в шкафчиках личные вещи, на стенах — фотографии. Вот только хозяев нигде не было. Я обследовал все контейнеры, тщательно осмотрел местность на предмет возможных схронов. Чисто! То есть вообще ничего, даже следов.

В одном из гардеробов я позаимствовал арктический комбез. Благо нашёлся моего размера. Экипировавшись, я отправился на внешний осмотр. И довольно быстро обнаружил металлическую лестницу со страховочными кольцами, которая вела вниз, к полосе приобоя, где в небольшом гроте-

укрытии был оборудован причал для катера на воздушной подушке. Вот и средство заброса нашлось. Озадачивало только, что судно на месте, — значит, отсутствующие члены команды не могли эвакуироваться, оставив «стрелка».

Был вариант, что часть команды отправилась на вылазку, в глубь острова. Но в контейнере-ангаре стояло два снегохода, и больше бы туда при всём желании не влезло. Если кто-то и ушёл из обитателей, то пешком. Хорошо бы тут, на базе, оставить засаду... но сначала надо вернуться, успокоить своих.

Я направился к снегоходу. И только когда завёл двигатель, сообразил, что на мне чужой комбез. Проблема: со своими не связаться никак, нам предписано полное радиомолчание. Поэтому о рации я даже не подумал, когда выезжал. Пришлось натянуть поверх комбеза второй броник, избавиться от шевронов — благо они были на липучках — и надеяться, что меня не примут за чужака. Других вариантов просто не было.

Уезжая, я оглянулся. Теперь базу было видно отчётливо: я сорвал часть маскировки, когда въехал в неё на снегоходе. Но моё внимание привлекли не верхушки белых контейнеров с бывшим снайперским гнездом. Дальше, на скалистом берегу, километрах в трёх от базы, я заметил странное сооружение. Впрочем, у меня не было уверенности в том, что это искусственный объект. Может, просто игра природы: скалы так причудливо сложились, что теперь напоминали руины какого-то древнего замка. Но разглядывать диковинку времени не было. Потом, после ремонта вездехода и детального обследования базы, можно будет туда заглянуть, проверить что и как, для успокоения. Но не раньше.

Ваня — так звали лейтенанта — встречал меня у открытого пандуса. Как положено, он держал меня на прицеле, пока я не откинул визор, показывая лицо.

— Тащ капитан, вы! — радостно крикнул он, опуская ствол.

— Так точно! — ответил я, стараясь перекрыть ветер.

Мы вместе загнали снегоход на место и закрепили машину штатными креплениями. Потом закрыли пандус.

— Надо бы Михалыча убрать... — сказал я, снимая вражескую одежду.

— Сделано, — ответил Ваня, — в медотсеке, оказывается, холодильник предусмотрен. А я и не знал. Мы с доктором убрали...

— Добро, — кивнул я. Честно говоря, — я и сам забыл про оборудование медотсека. Хотя перед выходом штудировал все ТТХ вездеходного комплекса.

— Тащ капитан, надо бы с ремкомплектom разобраться, — продолжил лейтенант.

— Слушай, — ответил я, — давай-ка ты будешь меня звать Сергей Александрович. Обстановка у нас тут специфическая. Отойдём от устава, исходя из полевой целесообразности.

— Есть, Сергей Александрович! — ответил Ваня и добавил шёпотом: — Так в конторе у вас принято, да? Я слышал.

Я рассмеялся. Но потом всё-таки ответил:

— Так точно, Иван Михайлович.

— Ну и отлично, — улыбнулся Ваня, — с гражданскими, опять же, удобнее. Сольёмся совсем!

— Совершенно верно. — Я улыбнулся в ответ, потом кивнул в сторону стеллажа, где, как я помнил,

лежал ремкомплект лобового стекла: — Ну что, делом займёмся?

Лейтенант кивнул в ответ и потёр ладони.

За следующие два часа я раз пять успел проклясть создателей ремкомплекта и раза три — инженеров, спроектировавших вездеход. Нет, конечно, сама по себе машина была хороша: комфортная, надёжная, с многократным резервированием всех ключевых узлов. Но вот к полевой ремонтпригодности были серьёзные вопросы. Видно, что тема замены лобовухи прорабатывалась чисто теоретически. Операцию, которую по инструкции должны были выполнять двое, мы вчетвером еле осилили. Иначе просто рук не хватало, чтобы держать все нужные прокладки и распорки в должном положении при заполнении герметиком.

Но в конце концов мы справились. Буквально за пару минут до заката. Ещё раз проверив установку, я, облегчённо вздохнув, активировал световые щиты. Теперь внутренности вездехода были надёжно защищены от внешнего наблюдения. Можно было смело включать свет.

— Ну, господа хорошие, — сказал я, активируя вечернюю схему освещения, — теперь можно и об ужине подумать!

Двое научников, помогавших нам с установкой, радостно заулыбались. Ваня согласно кивнул, поднялся и направился в сторону камбуза.

— Я займусь, — сказал он, — моя очередь.

— Что-что, а распарить сухпай этот парень здорово умеет, — сказал Лев Владимирович, один из научников, сухой высокий мужик лет сорока, с седыми висками. Он переглянулся с коллегой, который хихикнул в ответ.

— Почему распарить? — Ваня остановился у выхода, озадаченный. — Он разогревается просто. Сублимированную лапшу уже два года как из комплектов исключили.

Научники рассмеялись. Я понимал, что Лев процитировал какое-то произведение — фильм или книгу, хорошо известные его поколению, но сообразить, откуда именно была цитата, не смог. Поэтому просто загадочно улыбнулся и кивнул.

— Исключили, и слава богу, — ответил Михаил Александрович, второй научник, полноватый лысый тип, похожий на колобка, — ничего полезного.

— Пойду Семёныча позову, — сказал Лев, — он сам не свой. Так и сидит в спальном отсеке...

— Они с Михалычем сдружиться успели, — вздохнул Ваня, — оба — рыбаки заядлые...

Научники опустили глаза. Помолчали.

— Ладно, я приберусь пока тут. За ужином встретимся, — сказал я. После чего начал собирать остатки ремкомплекта.

Ужин вышел странным. Поначалу вроде шутили. Ощущалось, как напряжение отпускает, уходит страх немедленной смерти. Так бывает после боя. Потом опять вспомнили Михалыча. Помянуть было нечем, конечно; алкоголь в таких экспедициях под строжайшим запретом. Поэтому обошлись короткими речами и минутой молчания.

После этого разговор уже не клеился. Каждый доел свою порцию, потом молча разошлись по помещениям: кто-то в спальный отсек, кто-то — в рабочий. Я вернулся в кабину, заполнять журнал. Ваня пошёл со мной — нам теперь нужно было на двоих разбить вахты.

— Глянь координаты, — попросил я, открывая журнал. Он был бумажным и заполнялся от руки на

специальной огнеупорной бумаге. Архаизм, конечно, зато полная независимость от технологий.

Написав краткий отчёт, сверяясь с часами, я снова вернулся к графе с координатами.

— Иван Михайлович? — позвал я недовольно.

— Тащ капитан... — отозвался лейтенант севшим голосом, — Сергей Александрович...

— Что там? — Я поднял голову, оглянувшись на пост связи.

— Наверное, навигация сломалась, — отозвался Ваня, — хотя странно... я запустил портативную, то же самое...

— В смысле — сломалась?

— Спутники не ловит.

— Переключи на режим «Бэйдю», — сказал я.

— Пробовал, тащ... Сергей Александрович. Не ищет.

— А портативный терминал?

— То же самое.

— Где брал переносной?

— Тут парочка в шкафу была...

— Парочка?

— Ну да. Положено.

Я встал и подошёл к посту связи. Посмотрел на терминал. Открыл окно диагностики. Судя по показаниям, прибор был абсолютно исправен. Я вырубил свет в кабине, закрыл переход в отсеки и поднял светозащиту. Снаружи прояснилось: на северо-западе всё ещё краснели отсветы заката, а на небе выпали крупные звёзды. Я глянул через специальную выпуклость бокового окна, позволяющую делать визуальный осмотр кузова. Антенна на месте. Да и портативные терминалы должны были работать; световая защита радиопрозрачна.

— Хрень какая-то... — констатировал я.

После этого включил радио, настроил канал для аварийных кодированных сообщений. По нему нас должны были известить, если бы вдруг случилось что-то глобальное, вроде атомной войны. Об этом думать не хотелось — но иного объяснения исчезновению орбитальной группировки навигационных спутников я не находил.

Аварийная частота молчала. Я включил сканирование эфира по всем диапазонам. Приёмник должен был остановиться через секунду — после того, как уверенно поймал бы ближайшую радиостанцию. Но этого не произошло. За несколько минут автомат прошёл все диапазоны и вернулся в исходную точку.

Мы с Ваней переглянулись. Даже в звёздном свете было видно, как лейтенант побледнел.

Я вернул экраны на место. Зажёт свет. После этого сказал:

— Иван Александрович. Пригласи-ка, пожалуйста, научных.

— Но у них личное время...

— Откажутся — конвоируй, — ответил я крайне серьёзным тоном.

Лейтенант кивнул и вышел из отсека.

Глава 3

Судя по тому, как переглядывались специалисты, я сразу понял, что для них происходящее не было таким уж сюрпризом.

— Ну что, господа хорошие, — начал я, когда они заняли место за столом в оперативной рубке, — се-

кретность — секретностью, но для эффективного выполнения задачи мне нужно знать, какого фи́га тут происходит.

Научники снова переглянулись. Потом Семёныч — тот самый, который горевал по убитому механику — вздохнул и произнёс:

— Мы сами знаем далеко не всё..

Я помолчал секунду. Подошёл к сидящим. Постарался посмотреть каждому в глаза; никто не выдержал мой взгляд дольше, чем пару секунд.

— Значит так, — продолжил я, — допускаю, что вы не в курсе. Но по приказу, который получил я по линии своего начальства, мне прямо предписано доложить о нештатной ситуации и запросить подмогу, вплоть до ракетного удара по заданным координатам, в случае прямого столкновения с ДРГ противника. Нарушить радиомолчание в этой ситуации разрешается. Столкновение уже произошло, как вы, надеюсь, заметили. Так что или мы поговорим — или я докладываюсь начальству и прерываю миссию.

Семёныч вздохнул как-то особенно горестно.

— Вы же знаете, для чего мы здесь, — сказал он. — После того как исчез стройотряд двести тридцать, нам...

— Да, я был на инструктаже, — ответил я, — и провалами в памяти не страдаю. Мне известно об обстоятельствах обнаружения их вездехода. Я читал протокол следственной комиссии. Да, дело необычное. Строительные отряды не каждый день пропадают в полном составе. Плюс странности в средствах фиксации, из-за которых пошли эти нелепые слухи о Зоне. Мне это всё прекрасно известно. Нам удалось, по всей видимости, обнаружить причину исчезновения строителей.

Специалисты глядели на меня выжидающе, но спокойно и даже несколько отстранённо.

— Но это никак не объясняет исчезновение сигнала спутников ГЛОНАСС и полное радиомолчание, — закончил я.

Семёныч снова вздохнул.

— Похоже, вы не особо удивились, — констатировал я.

— Мы ожидали... разных вещей, — ответил Семёныч, глядя мне в глаза, — однако спектр возможных... явлений был слишком широк, чтобы имело смысл их обсуждать на инструктаже.

— Что ж, — я скрестил руки на груди, — полагаю, теперь нам есть о чём поговорить.

Семёныч поглядел на коллег.

— Скажите, Сергей, — спросил он, — вы когда-нибудь были в Японии?

— Я — военный человек, как вам прекрасно известно, — ответил я, — и не могу посещать страны, не одобренные «Воентуром».

— Да, конечно, — кивнул учёный, — но... вы могли бывать там в детстве. Верно? Хотя неважно. В Японии очень интересная национальная религия. Синтоизм называется. Её приверженцы считают, что буквально всё окружающее наполнено духами-ками. Реки. Озёра. Горы. Растения. Буквально всё, даже свалки.

— Очень рад за японцев, — ответил я, — но, пожалуйста, ближе к делу.

— Что ж. До недавнего времени эти воззрения, как и многие другие, казалось, не имели никакого отношения к реальности.

— А сейчас что, имеют? — вмешался лейтенант, забыв о субординации. Я строго поглядел на него, но промолчал; он опустил взгляд.

— Современная математика и фундаментальная физика значительно продвинулись, — ответил учёный, — особенно теория информации и теория хаоса... вы ведь понимаете, о чём я?

— Все офицеры изучают высшую математику, — я пожал плечами. — К чему вы?

— Вы ведь слышали про бомбардировки Хиросимы и Нагасаки? — спросил учёный. — В то время никто ведь даже не задумывался о том, что происходит со сложными информационными структурами, вроде людей или животных, при практически мгновенной дезинтеграции. Какие интересные явления при этом возникают.

Мы с Ваней переглянулись.

— Просто понимаете, для японцев то, что случилось потом, не было странным. Это были просто ками, разгневанные и опечаленные трагедией. Которые вдруг захотели помочь родной земле, окружающим. Восстановить, так сказать, своё присутствие. Равновесие. Они даже смогли хранить это в секрете, довольно долгое время...

— ...Пока американцы не сообразили, что к чему, — вмешался Лев, хмыкнув. — Впрочем, даже после этого они действовали очень осторожно!

— Не понимаю, — сказал я, — можно как-то ближе к делу? При чём тут ками?

— Мои коллеги стараются, — ответил Михаил, — но как в двух словах объяснить фундаментальнейшие проблемы современной физики? Только на примерах.

— Вы вряд ли это помните, и в школах это не проходят, — снова заговорил Лев, — но во второй половине прошлого века Япония вдруг показала невероятные темпы развития, сильно обогнав

остальной мир. В основном за счёт развития самых передовых технологий. Они первыми открыли промышленную полупроводниковую литографию, и долгое время их компании, производящие оптику, «Кэнон» и «Никон», занимали лидирующие позиции в производстве машин, которые делали полупроводники. Они даже были второй экономикой мира, можете себе такое представить? Потом, конечно, технологическое лидерство у них отняли. Поток новых технологий иссяк, страна пришла в упадок.

— Какое... — Я хотел спросить: «Какое отношение это имеет к нашей ситуации?» Но тут до меня начало доходить.

— Как... как это происходило? — спросил я, чувствуя, как вдруг пересохло во рту.

— Это знают только контактёры, — Лев пожал плечами, — а они предпочитают молчать.

— Но иногда бывают и прямые передачи, — добавил Михаил. — Взять вездеход от пропавшей экспедиции. На борту были... скажем, технологические изделия, которые были неизвестны до этого случая. В официальном отчёте это не указано, конечно. Об этом знает только специальная группа нашего НИИ.

— Люди и животные гибли так близко, что грани между структурированными реальностями смещались. Информационные всплески не успевали абсорбироваться, — снова заговорил Лев.

— Кое-что прорывалось оттуда к нам, — добавил Михаил. — Иногда это было очень полезно. Не всегда, но довольно часто. Новые технологические решения. Изделия. И даже готовая информация. Всё это обеспечило Японии технологический прорыв. Технологии из невозможных миров, если понимаете, о чём я.

— Они специально очень бережно подошли к сохранению наиболее пострадавшей части своих городов. Это, как они думали, обеспечит длительную сохранность конфигурации соприкосновения. Но сначала о происходящем догадались американские спецслужбы и учёные. Начали использовать это для собственного развития. И поток «откровений» начал иссякать. Пока не исчез полностью.

— До сих пор неизвестно, почему это произошло, — сказал задумчиво Семёныч. — Японцы предпочитают думать, что это естественный процесс. Что соприкосновение затухает со временем. Но мы знаем, что ряд американских исследователей считает собственное вмешательство одной из причин деградации контакта.

— Я так понял, что-то подобное появилось на Новой Земле? На полигоне? — спросил я и тут же добавил: — Но это ведь нелогично! Тут не было жертв. Тут вообще не было людей. Такие места ведь специально подбирались, чтобы минимизировать ущерб...

Учёные переглянулись. Потом Лев сказал:

— Верно, что людей тут не было... но вот насчёт животных...

— Тут было самое большое число погибших теплокровных за всё время ядерных испытаний, — добавил Михаил, — особенно птиц. Несколько десятков миллионов зараз... и не только они. Ещё белые медведи, тюлени. В общем, масштаб Аномалии тут будет побольше!

— То есть это не обязательно люди должны быть? — уточнил я.

— Любые сложные информационные структуры. — Михаил пожал плечами. — Если вам интересно, птицы устроены не сильно проще нас...

— И что, строители должны были разведать, реально ли получить что-то полезное в предполагаемой точке... соприкосновения у нас? — предположил я.

Учёные снова переглянулись. Лев улыбнулся, и мне совершенно не понравилась его улыбка.

— Зона давно разведана, — сказал он. — Более того, мы, наши контактёры уже начали получать новые технологии. Вполне успешно.

Вот это было неожиданно. Офицеры моего профиля привыкли владеть всей полнотой информации. А тут, получается, меня использовали втёмную! Не скрою — я немного растерялся.

— Гиперзвук, который вывел наши военные возможности на новый уровень. Лазерное оружие... Как вы понимаете, не предполагалось, что вы это узнаете. Всё, что требовалось, — это поставить новые средства обнаружения на границе Аномалии, создать заслон для диверсионно-разведывательных групп, которые, по нашим данным, активизировались в последнее время. Они проводят своих контактёров, надеются урвать кусок пирога. Мы предполагали, что гибель экспедиции — их рук дело, — признался Лев.

— А это не так? — уточнил я.

— Нет. Судя по всему, — Семёныч вздохнул, — они провалились в Аномалию.

— Понимаете, у контактёра главная задача — это остаться на поверхности нашего мира. Не уйти туда, откуда приходят знания. И много чего ещё, кроме знаний. Нужно получить нужное — и тут же обратно. Внутри — нельзя. Оттуда ещё никто не возвращался.

— Скажите, а тот снайпер, который убил Михалыча, — продолжил Семёныч, — вы... не разговаривали? Ну, может перед тем, как вы его...

— Это не я его, — я покачал головой, — он сам себя. Да, он сказал что-то вроде: «Ты крутой! Встретимся на другой стороне». Это что-то должно значить?

— Аномалия растёт. Становится сильнее, — продолжил Лев. — Ещё никто не контактировал и не проваливался так далеко от места взрыва... Мы должны были всего лишь обследовать новые границы.

У меня холодок пробежал по спине.

— Судя по тому, что вы так легко всем этим делитесь... — задумчиво произнёс я.

— ...мы находимся внутри, — закончил за меня Лев. — И не будем друг друга обманывать. Вероятнее всего, мы не выберемся. Но сможем сделать кое-что полезное для наших. Возможно, удастся протолкнуть что-то обратно. У той группы это получилось с вездеходом.

Ваня смотрел на меня широко раскрытыми от ужаса глазами. Но мне нечем было его успокоить.

Глава 4

Честно говоря, слухи про Аномалию на Новой Земле ходили давно. Равно как и слухи об огромном кальмаре, который нападает на рыбацкие лодки и сжирает людей. Или о пришельцах, которые устроили базу на одном из бывших ядерных объектов. Я даже как-то заикнулся на очередном совещании с участием проверяющих из Москвы о том, что подобные слухи носят «упорный» характер и, возможно, являются частью стратегии информационного противоборства, направленного на военнослужащих Северного флота. Мне тогда даже не ответили. Только посмотрели так, что я сразу всё понял.

Даже теперь, несмотря на обстоятельный разговор с учёными, я всё ещё надеялся на нормальное, рациональное объяснение всему происходящему. Может, радиоаппаратура сломалась, хотя кажется исправной. Мало ли, какое оружие было у ДРГ, чей снайпер застрелился у меня на глазах? Тогда, конечно, последует неприятное объяснение с учёными и их руководством насчёт секретной информации — но с этим уж как-нибудь я бы разобрался...

Надежды — надеждами, но нутром я чуял: правы научники. Мы вляпались в нечто невиданное. И что с этим делать — я пока не придумал. Однако же нужно поддерживать порядок на борту вездехода, по крайней мере до тех пор, пока не разработаем план действий. А он обязательно нужен, особенно в экстремальных обстоятельствах.

Поскольку из военных нас осталось двое, ночь вынужденно поделили на две вахты. Первую уступил Ване. Понятное дело, что парень бы не заснул сейчас, а так через четыре часа усталость своё возьмёт, и завтра он будет более-менее в норме.

Я же провалился в сон легко. Давняя привычка, сформированная в боевых условиях. Сон — это ценность.

Сон был тревожным. Мне снились руины замка. Для чего-то я должен был спуститься в подвал; там было нечто очень важное. И я пробирался туда, через завалы, через заросли странных вьющихся растений, выделяющих остро пахнущий сок. Где-то вдалеке слышался птичий крик, и я знал, что мне нужно успеть до того, как первая птица долетит до замка. Мне даже удалось попасть в подвал; тревожные птичьих крики остались снаружи. Но в тот момент, когда я должен был наконец понять, что же тут скрыто такое ценное, я проснулся.

Меня вырвало из сна тонкое пиликанье будильника на электронных часах. Конечно же, никакие смартфоны в экспедицию не допускались — поэтому я пользовался простым механизмом.

Меня должен был разбудить Ваня. Но по старой привычке я всё равно выставил будильник, с задержкой на пять минут к началу вахты, просто на всякий случай.

Я вскочил с койки. Мгновенно оделся и пулей вылетел в коридор, направляясь в оперативную рубку.

Лейтенант был тут. Я едва сдержал вздох облегчения. Ничего трагичного, к счастью, не случилось — банальный сон на посту. Да, это было очень странно: Ваня ведь готовился к поступлению в нашу академию. И даже прошёл отбор. От моей характеристики многое зависело. К тому же, как я заметил, он был ответственным и исполнительным. Что ж. Не выдержал реального стресса... объяснимо. Посмотрим, как дальше себя покажет.

— Товарищ лейтенант! — нарочито громко сказал я.

Ваня дёрнулся. Открыл глаза. Увидел меня и тут же вскочил, вытянувшись по струнке.

— Объяснитесь, — продолжил я.

— Виноват, товарищ капитан! — доложил он. — У меня нет объяснения произошедшему.

— Мы в зоне действия ДРГ противника, — продолжил я. — Вы представляете всю глубину вашего проступка?

Лейтенант чуть замаялся. Опустил глаза.

— Так точно, товарищ капитан... — произнёс он, после чего набрался храбрости и добавил: — Меня даже в сон не клонило... сидел, думал справочники достать, попробовать по звёздам сориентироваться, моргнул — и слышу ваш голос...

Я постоял какое-то время молча. Чувствовалось, что парень сам растерян. Я решил, что в такой ситуации психологически давить — непродуктивно. Надо сначала во всём разобраться досконально, как следует. Уже вдохнул воздух, чтобы произнести что-нибудь ободряюще-нейтральное, но в этот момент в оперативную рубку буквально влетел Михаил. Его глаза были навывкате, пухлые губы мелко дрожали.

— Семёныч пропал! — заявил он.

— Стоп-стоп, — я выставил перед собой ладони. — С чего взяли, что он пропал? Мы на вездеходе, посреди тундры. Куда ему деваться?

— Его нигде нет! — Михаил пожал плечами. — В каюте постель смятая. Он никогда не оставлял постель незаправленной! Аккуратнейший человек! Вы.. вы не знаете, но..

— Так, ладно, — кивнул я, — отставить истерику. Давайте-ка для начала осмотрим вездеход. Мало ли — может, он решил на складе заночевать? Или ищет что-то из запасов?

— Да проверял я, говорю же!

— Всё равно — нужно быть абсолютно уверенными, — настоял я.

Вездеходный комплекс был не настолько большим, чтобы проверка заняла много времени. Уже через полчаса все закоулки были осмотрены, все щели исследованы и все закутки — освещены.

Семёныч действительно пропал. Но самым странным был даже не факт исчезновения. Дело в том, что все комплекты одежды, все защитные комбинезоны, предназначенные для работы снаружи, и все снегоходы были на месте. Человек без специального снаряжения снаружи не проживёт и десяти минут!

Подумав об этом, я тут же сам полностью экипировался и, приказав лейтенанту оставаться внутри и контролировать периметр, спустил снегоход и отправился на обследование внешнего периметра.

Я взял термограф. Достаточно чувствительная вещь — обнаружит замерзающего, но живого человека даже под метровым слоем снега.

Тщательное обследование площади в радиусе, на который, по моим расчётам, мог бы удалиться от вздохода человек без защиты, заняло ещё часа полтора.

Но всё было тщетно. Семёныч просто исчез.

— Общий сбор, — скомандовал я, когда снова оказался на борту, — через пятнадцать минут в оперативной рубке.

Ваня, встречавший меня в техническом отсеке, кивнул, сказал: «Так точно!» — и убежал выполнять приказ.

Оставшиеся научники выглядели испуганными и растерянными. Я знал, что Семёныч был их неформальным лидером. А может, и формальным — у меня просто такой информации не было. В мою задачу входило обеспечение охраны и обороны экспедиции, и только.

— Он говорил что-то накануне вечером? — допытывался я. — Что-то подозрительное? Странное?

Лев и Михаил переглянулись.

— Ничего такого, — сказал Михаил. — Вы знаете, он хоть, как и все мы, понимал всё отчаяние нашего положение, но ему было скорее любопытно, чем страшно. Понимаете, с научной точки зрения это уникальная возможность... и он, скорее, был ей рад.

— Не могло быть такого, чтобы он отправился... так сказать, на исследования? — спросил я.

— Нет, — Лев помотал головой, — категорически! У нас ведь все приборы на борту, в этом нет смысла.

— Ясно, — кивнул я. Потом почесал подбородок и спросил: — А что, если он увидел нечто... скажем, настолько любопытное, что не смог устоять и выбежал наружу? Но не рассчитал силы и...

Научники переглянулись.

— Конечно, всякое возможно, — ответил Михаил, — но вы же понимаете: Семёныч — крайне рассудительный человек. Я не представляю, чтобы что-то могло его настолько вывести из равновесия... И потом — вы бы наверняка нашли... тело. Он ведь ушёл без экипировки!

— Голым, — неожиданно добавил Лев.

— В смысле — голым? — растерянно спросил Михаил.

— Его спальное белье было на постели. Я разве не сказал? — Лев поднял брови, изображая удивление.

— Так, — ответил я, ругая себя последними словами за то, что сам не осмотрел каюту Семёныча прежде, чем выбегать наружу, — может, он всё-таки переоделся? Может, у него было что-то своё из одежды, достаточно тёплое, чтобы продержаться более длительное время?

Лев развёл руками.

— А ещё он явно спешил... — продолжил рассуждать я. — Считаю, что нам стоит осмотреть базу диверсантов.

Научники промолчали.

Удивительно, но погода, можно сказать, наладилась. Температура, конечно, не поднималась выше минус двадцати, но светило солнце, а ветер разогнал тучи. Мне даже пришлось надеть защитные очки, чтобы снег не слепил.

Дорога до базы не заняла много времени. Никаких опасных трещин и впадин мы не встретили; вез-

деходы прочертили за собой идеально ровную колею, которую теперь медленно заносила позёмка.

— Тащ капитан, я с вами! — решился вызваться Ваня, уже забыв о проступке со сном на посту.

Взглянув на подчинённого, я решил не напоминать об инциденте. По крайней мере, не здесь и не сейчас, не при гражданских.

— Никак нет, — ответил я, — мы идём со Львом. Разумное распределение сил и средств — один научный эксперт, один военный. Мы не можем оставить вездеходы без квалифицированной охраны.

Лейтенант опустил глаза, но твёрдо ответил:

— Есть обеспечить охрану.

Я позволил себе короткую улыбку.

Внутри базы диверсантов по-прежнему было тепло. Видимо, работала автоматика. Я обругал себя, что вчера не проконтролировал этот момент. А что, если бы случился пожар? Кто его знает, как у них эта система настроена. Наверняка газовое оборудование — по-другому автономные сооружения в этих широтах не делают. Даже самые совершенные аккумуляторы тут не сильно эффективны, а дизель-генераторы слишком прожорливы.

Я сразу направился в технические отсеки, чтобы оценить состояние систем. Мы разделились. Особых рисков я в этом не видел — вчера ведь лично обошёл все отсеки. Поэтому Лев сразу направился в штабной контейнер, где могли быть документы, вызывающие интерес по его части.

Теплоснабжение базы действительно было газовым. И не только тепло — сама энергосистема работала от небольшой турбины, которую питали внушительные баллоны с пропаном, заполненные на двадцать процентов. Тепло, которое выделяла тур-

бина, использовалось непосредственно для подогрева воздуха в системе вентиляции и очистки воздуха через специальные радиаторы. Дополнительно работали тепловые насосы, запитанные от электросети. Плюс аккумуляторы для сглаживания пиков внутреннего потребления и солнечные панели на крышах контейнеров. «Они бы ещё ветряки поставили, — подумал я, изучая силовые схемы на сенсорной панели центральной консоли системы, — чтобы уж совсем забыть про маскировку». А потом в одной из вкладок я обнаружил, что к системе действительно могли подключаться ветрогенераторы.

Исследовав меню, я обнаружил режим консервации. Если верить прогнозам компьютера, имеющихся запасов газа должно было хватить ещё на месяц поддержания минимальной плюсовой температуры во внутренних помещениях, при условии отключения основных потребителей энергии. Я поставил таймер на два часа и активировал этот режим. Времени, по моим расчётам, было более чем достаточно для детального обследования базы.

Когда я поднялся в помещение, которое у диверсантов, видимо, было аналогом оперативной рубки, Лев, разочарованно хмурясь, пытался активировать один из ноутбуков, которые стояли на столе.

— Запаровлено, — констатировал он, — ничего не могу сделать.

— Секунду, — сказал я, потом взял со стола все три ноута. — Ждите здесь. По бумагам что-то интересное было? — Я кивнул на стол, где были разкиданы какие-то распечатки.

— Нет, к сожалению, — Лев покачал головой, — ничего интересного. В основном хозяйственные расчёты и сводки погоды.

Я поднялся наверх, в оружейную. Труп снайпера-самоубийцы в прошлый раз я не убрал — не было ни времени, ни желания, ребята ждали меня в вездеходе. За ночь тело окоченело, большой палец правой руки застрял в скобе винтовки. Пришлось приложить значительные усилия, чтобы его достать. Можно, конечно, было бы воспользоваться ножом и отсечь нужную часть тела — но я этого не сделал. Если честно — по суеверным соображениям. Как представил себе мертвеца, который ходит за мной с немым вопросом в тусклых глазах: «Где мой палец?», точнее: «Where is my finger?» Бр-р-р!

Но главное, что мой расчёт оправдался. Датчик сработал у второго ноута; он пискнул и разблокировался. Трогая периодически сенсорную панель, не давая ему заблокироваться вновь, я спустился вниз и подключил питание.

— Ну вот, — улыбнулся я, — дорога открыта.

Лев радостно погрузился в поиски информации, но уже через минуту разочарованно протянул:

— Файлы и папки отдельно запаролены. Сами не справимся — нужны спецы. Разве что...

— Что? — заинтересованно спросил я, склоняясь над экраном.

— Фотографии открыты, — с удивлением констатировал Лев. — Они не под паролем!

В альбоме было много личных снимков. Типичный американский дом где-то в пригороде, пожилая улыбка-вая чета. Должно быть, родители погибшего. Глядя, как они машут руками тому, кто фотографировал, я ощутил что-то вроде печали. Но не слишком сильно: всё-таки их сын убил Михалыча и собирался убить меня.

Лев, тронув тачпад, прокрутил содержимое папки вниз. А вот здесь уже начиналось интересное. Монтаж

контейнерной базы. Оказывается, они использовали экранолёт. Совсем новая разработка. Поэтому ПВО и система подводных микрофонов их не засекли.

Потом были фотки из тундры. Мало интересного, на мой взгляд, но пара снимков очень заинтересовала Льва.

— Похоже, среди них был контактёр, — пояснил он. — Они подбирались к границам Зоны. Возможно, даже были передачи.

Я присвистнул и спросил:

— Вы-то, кстати, знаете, где эта граница? Хотя... знали бы — мы бы тут не оказались...

— Зона — она как огонь, — сказал Лев, — точных границ нет. Есть только карты вероятностей, где можно встретить проявления. Чем ближе к эпицентру — тем вероятность выше. Но и только. Тут ведь важно не просто найти границу, а доставить контактёра в такое место, откуда он мог бы вернуться...

— Стоп, — сказал я. — Вы говорите, что мы уже внутри Зоны, так?

— Боюсь, что так, — вздохнул Лев, продолжая изучать фотографии.

— Получается, эта база тоже, да?

— Безусловно.

— И снайпер? Который в нас стрелял?

— Ну конечно!

— Значит, они знали о Зоне больше, чем мы... — Я хотел закончить мысль; сказать, что, возможно, его самоубийство не было следствием нервного срыва, а точно рассчитанным действием. Но промолчал. Потому что очень хотел ошибиться.

— А это ещё что...

Лев указал на фотографию, где кто-то из диверсантов стоял в арктическом костюме посреди руин.

Это точно были развалины какого-то человеческого жилища, чего-то вроде замка. Отчётливо виднелись силуэты фундамента покоев, башен, стен и коридоров.

— Может, они по дороге где-то высаживались? Наверное, какое-нибудь древнее поселение викингов... — предположил Лев.

— Не думаю, — ответил я.

— Почему?

— Похоже, я знаю, где эти руины. Или, скорее, похожие, потому что... — Я хотел сказать, что в замке, который я мельком видел вчера, были даже уцелевшие башни. Но в этот момент Лев ещё раз прокрутил содержимое папки. И я увидел их. Башни. На более ранних снимках башня была одна. Сложенная из блоков какого-то серого камня, она выглядела органично среди руин, но, вне всякого сомнения, её конструкция была цела. Ни одной щербинки в ровной кладке, разве что сам камень покрыт налётом времени: следами выветривания и соли. Потом рядом с этой башней появилась вторая. И третья. На последних снимках других людей видно не было. Я сначала не мог понять почему — но потом решил, что тот, кто делал снимки, выезжал на место один.

— Очень странно... — сказал Лев. — Можно было предположить, что они намеренно разрушают этот... замок. Но снимки идут в хронологическом порядке. Будто они двигаются обратно во времени...

— Не думаю, что это так, — сказал я.

— Вы сказали, что знаете, где это может быть? — спросил Лев, отрываясь от монитора.

— Да, — кивнул я, — видел вчера, когда уходил отсюда.

— Может, взглянем? — предложил учёный.

Я подумал секунду. Потом кивнул.

Башен в полуразрушенном замке было четыре. На одну больше, чем на снимке. Остановив снегоход, я прикрыл глаза и попытался восстановить картину, которую видел вчера. Вроде бы башен было три — но точно теперь я сказать не мог; всё-таки время прошло, да и глянул я тогда мельком.

— Четвёртая башня, да? — констатировал Лев, слезая с заднего сиденья.

Я промолчал и заглушил двигатель.

Замок был древним. Его камни не пощадил местный климат; они были рябыми от выветривания, кое-где проступала соль.

— Интересно, какому народу могла прийти мысль построить замок в таком месте? — удивлялся Лев. Похоже, учёный, поглощённый этим осязаемым феноменом, забыл то, что говорил сам; забыл, где мы находимся.

Я заглянул в одну из ям внутри контура фундамента ещё одной башни. Странно, но наносные отложения там были выбраны до самого скального основания. И даже сама скала, похоже, продолблена вниз, образуя ступенчатое углубление.

— Не уверен, что хочу это знать... — ответил я, поглядев на солнце, которое уже клонилось к закату. — Давайте пойдём отсюда. Надо придумать, что делать дальше.

Глава 5

— Конечно, мы можем попробовать вырваться, — говорил Михаил. — В конце концов, если этого до сих пор не происходило — почему бы этому не случиться впервые?

— Тем более что информация оттуда точно до нас доходит, — добавил Лев, — а иногда ещё и артефакты. И... — Он хотел добавить что-то ещё, но, похоже, вовремя спохватился, почесал подбородок и проговорил: — М-да...

Я не стал пользоваться его оплошностью и давить. Не то положение. Вся нужная информация сама всплывёт, несколько в этом не сомневался.

— Можно на инерциалке проложить курс, — предложил Иван, — и попробовать выйти по своим же следам.

— Интересная идея, — поддержал Лев. — Анизотропный поток может быть инвертирован при условии временной синхронизации хотя бы в рамках суточного цикла...

Михаил бросил взгляд на круглые настенные часы, которые висели в оперативной рубке.

— Уже не успеем, — констатировал он. — Можно на следующие сутки попытаться.

— Давайте всё же не будем откладывать, — сказал я. — Мне бы не хотелось провести ещё одну ночь вблизи этого... сооружения.

Лев и Михаил переглянулись.

— Пожалуй, вы правы, — констатировал Михаил, — лучше попробовать сейчас.

Мы двигались до заката. И я хотел наплевать на светомаскировку, включить фары и двигаться ночью. Благо горючего хватало — минимум на три дня пути, и его не приходилось экономить. А потом, взглядываясь в окрашенный закатным багрянцем горизонт, я увидел вдалеке уже знакомый силуэт. Руины и четыре башни.

Я остановил караван. Ваня сидел рядом, погружённый в чтение какого-то справочника. Почувство-

вав, что машина встала, он поднял глаза. Перехватил направление моего взгляда.

— Ах ты ж... — Он крепко выразился, но вовремя взял себя в руки. — Прошу прощения, товарищ капитан.

— Ничего, — кивнул я. — Совершенно с тобой согласен.

— Надо сказать научникам. Как считаете?

— Пожалуй, — кивнул я, — как раз время ужина.

За столом почти не говорили. Не о чем было. Уже под конец трапезы Лев вздохнул и выдавил из себя:

— Можно завтра попробовать. Синхронно со временем суток..

— Конечно, — кивнул я.

— И ещё катер на воздушной подушке на базе, — добавил Ваня, — если по земле не получится. Может, над морем Аномалия действует по-другому?

У меня были на этот счёт большие сомнения, но мы были не в том положении, чтобы открыто проявлять пессимизм.

— Конечно, — кивнул я, — есть и этот вариант. Катер совершенно исправен. И горючего достаточно.

— Что ж... тогда до завтра, — кивнул Михаил и вышел из-за стола.

— До завтра. — Я кивнул в ответ и добавил, обращаясь к Ване: — Сегодня первая вахта — моя.

— Так точно, товарищ капитан. Я мог бы всю ночь, чтобы..

— Отставить, — перебил я. — Действуем разумно. Сейчас это главное.

— Есть, — ответил лейтенант, убирая остатки сухпайка в мусорный контейнер.

Я поднялся в рубку управления. Покопавшись в скудной бортовой библиотеке, достал книгу. Ху-дожественную — штудировать учебники и справочники совершенно не хотелось. Даже начал читать, пытаясь следить за сюжетом, но тут мой взгляд случайно упал на часы. Время приближалось к полуночи.

Почему-то было очень тревожно, и я никак не мог понять причины этой тревоги. Начал прокручивать в голове события последних дней и факты.

И тут в голове словно что-то щёлкнуло.

Четыре спальных места на базе диверсантов. Три башни вчера. Четыре минус снайпер-самоубийца. Пропавший Семёныч. Четвёртая башня.

Я похолодел. Проглотил вдруг застрявший в горле комок.

Пятнадцать минут до полуночи. Надо успеть!

Метнувшись к аптечке, я наскоро изучил содержимое. Повезло! Снотворное было в комплекте — причём довольно сильное! Должно подействовать за десять минут максимум!

Я тут же проглотил таблетку и бегом спустился вниз.

Научники спали в своих каютах. Пришлось разбудить всех. Лейтенант тоже проснулся от поднявшегося шума.

— Мы все должны крепко спать! — объяснял я. — До рассвета как минимум!

— Я и так сплю крепко, при чём тут... — сердитым тоном ответил Лев, пожав плечами и скрестив руки на груди.

— Думаю, что Семёныч проснулся среди ночи, — сказал я, — поэтому одной башней стало больше. Понимаете?

Они всё-таки были учёными. Соображали. Долго объяснять не пришлось. Через пару секунд оба уже протягивали руки за таблетками снотворного.

— Нет, ну я всё же не понимаю, при чём тут... — лейтенант всё ещё рассуждал вслух, не оставляя мне выбора.

— Товарищ лейтенант! Немедленно принять таблетку снотворного и отключить будильник! В своей каюте спать до естественного пробуждения! Это приказ!

— Так точно, — ответил Ваня, принимая из моих рук таблетку.

После снотворного было довольно мерзко. Не как с полноценным похмельем, конечно, но что-то вроде. Есть не хотелось. Я сидел и ковырял вилкой подогретую в микроволновке кашу из сухпайка. Сейчас, утром, моё внезапное «озарение» уже не казалось таким на сто процентов убедительным. Но ученые, в конце концов, сами прислушались к моим аргументам и согласились принять лекарство.

— Доброго утра, — сказал Лев скрипучим голосом, протискиваясь через узкий дверной проём.

— Доброго, — ответил я нейтральным тоном.

— Остальные спят? — спросил он, устраиваясь рядом.

— Видимо, — кивнул я и запихнул в рот кашу.

— Ясно... — Лев достал из резервуара под столом сухпайк, разорвал упаковку и вытащил пачку печенья. — Знаете...

Я уже приготовился выслушать претензии, но Лев, нажав на кнопку в кофейном аппарате и подставив чашку, сказал:

— Похоже, мы вам обязаны тем, что по-прежнему существуем.

— Думаете, я всё-таки был прав? — Я проглотил кашу и поднял бровь.

— Безусловно, — кивнул учёный. — Вы заметили очень важную закономерность в информационной ткани. А внутри Аномалии информация — это всё.

— Это... очень странно, — признался я.

— Нормальная, естественная реакция, — улыбнулся Лев.

— Что же это получается? Тот, кто не спит или просыпается ночью в этом месте, превращается в башню этого странного замка?

— Думаю, всё не так просто, — Лев покачал головой, взял готовый кофе и сделал глоток, — но, безусловно, исчезновение людей и восстановление того сооружения связаны. Возможно, люди погибают. Или их похищают для того, чтобы использовать информационную матрицу... Пока сложно сказать. У каждого мира, а тем более в переходном пространстве, куда мы с вами попали, своя логика. Она может быть нам совершенно чуждой, странной — но важно видеть и находить закономерности. Думаю, так больше шансов выжить.

Помолчали. Лев распечатал печенье и опустил одно в чашку с кофе. Потом откусил размокший кусок.

— Расскажите про Аномалию, — попросил я, — про Зону.

— Боюсь, что не смогу, — улыбнулся учёный. — Я тут впервые. Как и вы.

— Что она такое? — не сдавался я. — С теоретической точки зрения. У вас ведь есть теории? Не может такого быть, чтобы не было.

Лев посмотрел на дверной проём, словно убеждаясь, что никто не собирается войти в помещение. Потом ответил, почему-то понизив голос.

— Понимаете, существует несколько теорий, — сказал он, — а мои коллеги придерживаются традиционного видения.

Он сделал паузу, видимо, ожидая какой-то поощрительной реплики с моей стороны. Но я просто улыбнулся и кивнул.

— После создания теории всего на основе принципа информационного квантования появилось несколько интерпретаций экстремальных эффектов при информационной сингулярности. Та, которой придерживаются коллеги, если сильно упростить, заключается в том, что вся информация, когда-либо и где-либо организованная внутри горизонта событийной сингулярности нашей Вселенной, может быть доступна при локальной реализации эффектов информационного экстремума.

— В Зоне, — сказал я.

— В Зоне, — согласился Лев. — Однако лично я являюсь сторонником многомировой интерпретации.

Он снова сделал паузу, внимательно глядя мне в глаза.

— Поясните, — не выдержал я.

— Информационную конструкцию, лежащую в основе привычного нам мира, можно сравнить с операционной системой, — продолжил учёный, — в которой нечто может возникнуть только после определённой работы программ, производящих информацию. При этом сама суть работы этой системы анизотропна. Вы понимаете, о чём это?

— Вы о том, что раньше называлось термодинамикой, — ответил я.

— Совершенно верно, — кивнул Лев. — И в этом случае эффекты, доступные в Зоне, могут объяснять-

ся только существованием параллельных информационных систем.

— Это всё очень интересно, — сказал я, пожимая плечами, — но, к сожалению, любая из теорий никак не поможет нам разобраться в происходящем.

— Отнюдь, — хитро улыбнулся Лев.

— Поясните.

— Традиционный подход предполагает, что логика информационного экстремума будет в целом подчиняться привычной и понятной логике нашего мира, в котором мы все существуем, с поправкой на сложность информации, — ответил Лев. — Тогда как многомировая интерпретация предполагает существование информационных систем, кардинально отличающихся от нашей. С точки зрения обывателя даже близкие информационные структуры — миры — могут значительно отличаться рутинной логикой. И открытая вами закономерность косвенно подтверждает именно эту теорию. Хотя, конечно, оппоненты мне могли бы возразить, что эта закономерность — проявление некой совершенной технологии, цели использования которой мы пока просто не в состоянии постичь. — Лев сардонически усмехнулся и развёл руками, как бы демонстрируя всю нелепость подобного предположения.

Словно в ответ на его жест в столовую вошёл Михаил.

— Утро, коллеги, — кивнул он. — О чём это вы тут?

— Обсуждаем своевременное наблюдение Сергея, — ответил Лев, — которое, вероятно, спасло нам жизни.

— Так-то оно так, — вздохнул Михаил, — но вы же понимаете, что это означает?

Мы со Львом переглянулись; Лев опустил взгляд.

— Понимаете, Сергей, — сказал Михаил, наливая себе кофе, — контактёр всегда, в обязательном порядке должен быть учёным. У нас это почётное место занимал, как вы догадываетесь, Семёныч. Но целью экспедиции не был контакт как таковой — он поехал, потому что была вероятность позитивного резонанса. Мы же должны были расследовать то, что произошло с группой строителей. А вы тут находитесь потому, что какие-то параноики в вашем штабе решили, что ситуация со строителями могла быть результатом работы диверсантов Западного блока. И это, конечно же, было большой ошибкой.

— Наши параноики оказались правы, — заметил я.

— Да. Вот только диверсантов мы обнаружили уже внутри Зоны, — вздохнув, ответил Михаил, — а дорогу сюда пробил военный, а не учёный. Со всеми вытекающими.

— О чём это он? — растерянно спросил я у Льва.

Лев вздохнул. Неодобрительно посмотрел на коллегу. Потом всё-таки ответил:

— Огромное значение для получения информации имеет направленность личности контактёра, — ответил он.

— Он получает то, что на самом деле хочет, — продолжил Михаил. — Учёный — знания. То, что может получить военный, можно себе представить...

— У нас нет точных данных, в Японии эта информация строжайше засекречена, — добавил Лев, — но те разрозненные кусочки данных, что до нас дошли, говорят однозначно: контактёрами должны быть мирные люди. Иначе последствия будут...

— Но постойте! — перебил я. — Все страны используют полученные знания для создания оружия! Это прежде всего! Не проще было бы...

— Знания — это не только технологии, — в свою очередь перебил меня Лев, — это ещё и, скажем... этическая система. Понимаете?

Кажется, я действительно понял.

— И мы попали в тот вариант Зоны, который нужен военному. А не учёному, — добавил Лев.

— Но почему? Нас ведь было поровну! Военных и учёных.

— Вот эта ерунда с башнями, — грустно улыбнулся Лев, — такое учёному точно не доступно.

Глава 6

Запасов снотворного на борту было всего на два дня. Небольшой блистер на двенадцать таблеток.

На второй день мы решили попробовать реализовать план Льва и выбраться обратным ходом в точно синхронизированное суточное время. Для этого пришлось даже залезть в логи навигационных систем. Странно, почему мне это не пришло в голову раньше: теперь я знал, когда именно был потерян сигнал ГЛОНАСС. Оказалось, всего за двадцать минут до снайперского выстрела, который оборвал жизнь Михалыча. К сожалению, инерциальная система не включилась автоматически — не были выставлены нужные настройки. Поэтому оставалось рассчитывать направления, ориентируясь на угол сближения с берегом и на Солнце.

До старта было несколько часов, и у меня появилась мысль ещё раз осмотреть «руины». Научники отговаривали от этого — мол, невозможно предсказать логику объекта, последствия могут быть любыми. Но я всё равно решил ехать. Любое наблюдение,

любая информация сейчас могли быть очень ценными. Тем более что группа противника точно занималась изучением этого объекта. Вот бы понять, что именно они рассчитывали там обнаружить до того, как их поглотила Аномалия.

Со мной поехал Михаил. Кажется, Лев был не против к нему присоединиться — но снегоход троих бы точно не выдержал. Михаил и без того заметно перегрузил машину, учитывая его сложение: скорость упала, маневрировать стало тяжелее.

Визуально казалось, что замок находится довольно далеко. Несколько километров точно. Но доехали мы минут за пять, и когда я посмотрел назад, то обнаружил, что наш вездеход стоит подозрительно близко. Я хотел было поделиться своим наблюдением с Михаилом, но он уже успел слезть с сиденья и неожиданно проворно для человека своего сложения карабкался по «руинам».

Я заглушил двигатель и пошёл вслед за учёным.

По сравнению с предыдущим визитом это место заметно изменилось. Причём дело было не только в новой башне, которая к тому же оказалась выше трёх других, — сама площадь «руин» вроде как расширилась. Стало больше разрушенных коридоров, галерей. Появились основания стен, соединяющих башни, — причём они были довольно высокими, кое-где превышали человеческий рост.

Всё внимание Михаила захватила новая башня. Он ходил вокруг, делал какие-то измерения лазерным дальномером, ставил датчики. Я же решил пройтись по галереям.

Спрыгнув с одной из полуразрушенных стен, я двинулся вдоль коридора, соединяющего башню. Если предположить, что когда-то «руины» могли

быть настоящим замком, этот коридор соединял бы башни на подземном уровне, под стенами. Возможно, даже выходил бы за их периметр, создавая тайный проход из твердыни.

Под слоем снега была твёрдая поверхность. Никаких осадочных отложений. Я чувствовал это ботинками. Опустившись на корточки, я расчистил часть коридора ладонью. Снега было совсем немного — может, сантиметров десять-пятнадцать, что само по себе удивительно. Но под ним нашлось нечто ещё более странное. Настоящая брусчатка. Вытесанные камни, плотно подогнанные один к другому.

Хмыкнув, я поднялся и пошёл по галерее дальше. Проход упирался в полуразрушенный дверной проём, за которым виднелись ступени, ведущие куда-то вниз, под землю. Я собрался было пойти дальше, но тут услышал крик Михаила:

— Сергей! Сер-ге-ей!

— Да! Я здесь! — крикнул я в ответ и быстрым шагом пошёл обратно к башне.

Выбравшись из галереи, я подошёл к учёному, который ждал меня с планшетом в руке. Глаза умника возбуждённо блестели.

— Думаю, нам следует вернуться к вездеходу, — сказал он, демонстрируя какие-то графики на экране планшета. — Наблюдается очень странная геомагнитная активность. Посмотрите, нарастающая амплитуда и энергия. Возможно, эту активность провоцирует наше присутствие... Я бы не стал рисковать.

С сожалением глянув в сторону галереи, которая так и осталась необследованной, я согласно кивнул и сказал:

— Возможно, вы правы. Рисковать сейчас не стоит.

Ехать задним ходом, точно следуя курсу, на много-секционном вездеходе вручную, наверное, было бы нереально, несмотря на камеры заднего вида. Но, к счастью, мне удалось настроить круиз-контроль на нестандартный режим работы. И в точно заданное время мы двинулись в путь.

К закату погода сильно испортилась. Пурга мела сплошной стеной. Учёные сочли это хорошим знаком: по их мнению, переход через границы Зоны с высокой вероятностью должен сопровождаться эффектами выброса энергии, которые могут проявляться и в виде атмосферных явлений.

Я смотрел на экран, где отображалась информация о спутниках ГЛОНАСС в зоне видимости. Любая регистрация контакта означала бы, что нам удалось вырваться, но таблица, как и прежде, оставалась пустой.

Время приближалось к полуночи. В конце концов я попросил Ивана активировать ручной терминал — вдруг встроенная антенна и правда вышла из строя? Но нет. Ошибки не было. Мы всё ещё были внутри Зоны.

За полчаса до полуночи я решил остановиться. Очевидно, попытка была неудачной, и дальше рисковать не следовало.

Как только я отключил трансмиссию, пурга вдруг прекратилась. Сквозь лобовое стекло я видел, как стена снега отступает куда-то в ночь, открывая вид на звёздное небо. А на экранах камер заднего вида было море в пенных барашках, белеющих в свете ущербной луны. Мы остановились в каком-то десятке метров от обрывистого берега.

Вздыхнув, я снова активировал трансмиссию и отъехал от обрыва метров на сто. После этого спустился вниз, где ждали учёные, и раздал снотворное.